

29.04.23

ПОБЕДИЛ ЛИ СЕКУЛЯРИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ?

ДАЙДЖЕСТ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ (22 – 28 АПРЕЛЯ)

В Арабских странах исламская волна стала набирать обороты с 1970-х годов и достигла пика в 2000-2010-е годы. После арабской весны роль исламских партий во внутренней политике многих стран значительно возросла. Однако за этим последовал ответ со стороны секуляристов, выступавших традиционным оппонентом исламистов. Символом победы секулярных сил стал арест лидера тунисской партии Ан-Нахда, являвшейся символом нового демократического Ближнего Востока. При этом ответная реакция секуляристов совпала со снижением доли религиозного населения в арабских странах в 2010-е годы. Теперь на смену исламской идентичности в некоторых странах приходит национальная. Однако исход политического противостояния не совсем точно отражает социальные процессы: в некоторых странах с 2020-х годов религиозность снова начала возрастать. Каждая из стран Ближнего Востока имеет несколько векторов развития, и даже если один из трендов начинает доминировать, другие по-прежнему сохраняют своё присутствие.

После арабской весны во многих странах, где произошла смена режимов, на арену внутренней политики вышли многочисленные исламские партии. В некоторых случаях они имели тесные связи с движением Братьев-мусульман (запрещено в РФ). Так, в 2012 году победу на выборах в Египте одержал кандидат от Партии свободы и справедливости Мохаммед Мурси. Парламентские выборы в Тунисе в 2011 году выиграла исламистская партия Ан-Нахда. Исламисты также заняли второе место на

парламентских выборах 2012 году в Ливии, а их представительство возросло в парламентах Марокко и Иордании. Религиозное движение хуситов в Йемене, начинавшее как движение культурного возрождения, **превратилось** не только в чётко оформленную политическую, но и военную силу, и в 2014 году захватило столицу страны Сану.

Рост религиозного фактора во внутренней политике многих арабских стран вскоре вызвал резкий ответ со стороны сторонников секулярного пути развития. В 2013 году в Египте произошёл военный переворот, и Братья-мусульмане были вновь запрещены. В Ливии началась гражданская война, в ходе которой в 2019 году к победе были близки секуляристы во главе с Ливийской национальной армией Халифы Хафтара. К 2017-2018 годам исламистская оппозиция в Сирии была почти полностью разгромлена, а нынешний анклав террористической организации Хейат Тахрир аш-Шам (запрещена в РФ) в Идлибе, опирается на внешнюю поддержку. В 2019-2020 годах по Ливану и Ираку прокатилась волна массовых протестов, в ходе которых население требовало отменить систему религиозных квот в политической системе и перейти к секулярной модели управления. Наконец, 17 апреля этого года в Тунисе **был арестован** лидер партии исламистской партии Ан-Нахда, победившей на выборах 2011 года, Рашид Аль-Ганнуши.

Тунис долгое время считался единственным успешным примером демократического транзита после арабской весны. В стране успешно функционировала многопартийная система, проводились свободные парламентские и президентские выборы. Однако в 2021 году президент Кайс Саид распустил парламент, после чего сумел добиться изменения конституции, благодаря чему получил существенно **больше полномочий**. Его основным противником была партия Ан-Нахда, являвшаяся главной религиозной силой Туниса. Арест Аль-Ганнуши стал символической точкой, завершившей новый этап противостояния исламизма и секуляризма в арабских странах.

Как развивалась исламская волна

Нынешний этап борьбы секулярных и религиозных сил начался примерно в 1970-х годах, когда влияние идеологии арабского национализма стало идти на спад. Победа Израиля в Шестидневной войне привела к постепенному разочарованию населения многих арабских стран в их лидерах, стремившихся провести форсированную модернизацию своих стран на основе секуляризма. Популярность стали набирать религиозно ориентированные движения.

Переломным стал 1979 год, когда произошло сразу несколько событий – Исламская революция в Иране, предложившая арабским странам альтернативную модель развития, захват группой радикалов Запретной мечети в Мекке, заставивший руководство Саудовской Аравии свернуть многие либеральные реформы, и начало войны в Афганистане, впоследствии способствовавшей созданию транснационального сообщества исламских радикальных организаций.

В 1980-е годы в Ливане появилось движение Хизбалла, отстаивающее интересы шиитского меньшинства, а в Палестине – ХАМАС, строящий свою идеологию на антагонизме секулярной Организации освобождения Палестины. В 1982 году в сирийском городе Хама произошло восстание радикального крыла Братьев-мусульман, а в Алжире в 1990-е годы шла кровопролитная гражданская война между

армией и Исламским фронтом спасения. Постепенно радикализировавшееся религиозное движение достигло пика в 2000-2010-е годы, когда на сцену вышла Аль-Каида, а затем ИГИЛ (запрещены в РФ).

Эпоха арабской весны привела к значительной интенсификации борьбы секуляристов и исламистов. Только теперь у каждой идеологии появились свои явные спонсоры. Исламистов поддерживали Катар и Турция, а секуляристов – ОАЭ и Саудовская Аравия. Последние увидели в Братьях-мусульманах, умело воспользовавшихся арабской весной, угрозу своей национальной безопасности, в результате чего на Ближнем Востоке началась прокси-война между двумя блоками. Её пик пришёлся на 2017 года, когда Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет ввели блокаду Катара и предъявили ему список из **13 требований**, в числе которых было ужесточение связей с Братьями-мусульманами, закрытие телеканала Аль-Джазира, ставшего рупором арабской весны и платформой для коммуникации многих лидеров радикальных организаций, и закрытие турецкой военной базы.

Катар выдержал блокаду, и в начале 2021 года арабская четвёрка официально примирилась со своим соседом. В 2023 году это произошло окончательно – ОАЭ и Бахрейн заявили о намерении открыть посольства в Дохе. Катар в результате снизил свою активность на Ближнем Востоке. ОАЭ и Саудовская Аравия также **наладили связи** с Турцией, являвшейся главным союзником Катара и активно использовавшей религиозный фактор в своей внешней политике. В 2022 году Эр-Рияд посетил президент Эрдоган, после чего в Анкаре побывал наследный принц Мохаммад бин Салман.

Турция также завершает процесс восстановления отношений с Египтом: после 2013 года отношения были заморожены, поскольку Анкара выступила резко против военного переворота, в результате которого был свергнут идеологически близкий ей президент Мурси. Стамбул стал центром активности египетской оппозиции. Однако в 2022 году с целью налаживания отношений с Каиром, оппозиционные ТВ-каналы, базировавшиеся в Турции, были **закрыты**.

Новая идеология?

Победа секулярных сил совпала с общей тенденцией на снижение религиозности среди арабского населения. Сравнение результатов третьей (2012-2014 годы) и пятой волны (2018-2019 годы) Арабского барометра, считающегося наиболее надёжным источником по социологии арабских стран, **показывает** заметное снижение уровня религиозности в арабских странах: так в 2012-2014 годах доля людей, считающих себя «не религиозными» в Марокко составляла 3%, а в 2018-2019 годах – 12,7%, в Алжире – 9% и 15,4% соответственно, в Ливии – 11,5% и 24,8%, в Египте – 2,9% и 10,5%, в Тунисе – 16,1% и 30,9%, в Иордании – 4,5% и 7%, в Палестине – 6,9% и 7,5%, в Судане – 5,3% и 8,9%. По данным пятой волны, доля нерелигиозного населения ещё выше среди молодёжи от 18 до 29 лет: 45,7% в Тунисе, 22,4% в Марокко, 24,5% в Алжире, 35,8% в Ливии, 18,4% в Египте, 12,9% в Иордании.

Однако ситуация не столь однозначна. Седьмая волна, проведённая в 2021-2022 годах, наоборот, продемонстрировала заметное снижение числа нерелигиозного населения. В Египте оно снизилось на 6 процентных пунктов, в Марокко – на 7, в Алжире – на 5, и на 4 – в Тунисе, Палестине, Судане и Иордании. При этом

изменение тренда особенно заметно среди молодёжи, которая в опросе 2018-2019 гг. показывала наиболее высокую долю нерелигиозного населения. В Тунисе её доля снизилась на 16 п.п., в Марокко и Египте – на 12 п.п., в Иордании – 8 п.п., в Алжире – 7 п.п., в Палестине – 5 п.п. Лишь в Ливане и Ираке тренд на рост нерелигиозности сохранился – они прибавили 5 и 2 процентных пункта соответственно, а среди молодёжи в Ираке доля нерелигиозного населения сохранилась неизменной, а в Ливане – выросла на 13 п.п.

Анализ результатов опросов показывает более сложную картину, чем та, которую можно представить, анализируя политические изменения. Так, арест лидеры тунисской Ан-Нахды произошёл на фоне роста доли религиозно настроенного населения в стране, особенно среди молодёжи. В Судане в 2021 году военные отстранили от власти представителей гражданского общества, некоторые из которых имели религиозно направленную идеологию, хотя доля нерелигиозного населения в стране снизилась (с 9% в 2018-2019 годах до 6% в 2021-2022 годах).

Однако росту секуляризма в дальнейшем будет способствовать развитие национальной идеологии. Однако в этом случае уже не в виде панарабизма, а строго «страновых» идеологий. Самый яркий пример – Саудовская Аравия, где раньше система властных отношений держалась на союзе двух семей – Аль Сауд, контролировавшей политическую власть, и Аль Шейх, контролировавшей религиозную сферу. Создание исламского общества являлось основной легитимности правящей династии. Однако с приходом к власти Мохаммеда бин Салмана и в целом нового поколения правящей семьи этот баланс **был нарушен** – многие религиозные деятели были арестованы, а за остальными был установлен надзор. На первый план в Саудовской Аравии стал выходить национализм, или как его называют **некоторые эксперты** – «неосаудизм» – молодое поколение саудовцев стремится **идентифицировать** себя в первую очередь саудовцев, а не мусульман, а если и мусульман – то сторонников гораздо его **умеренной**, а не радикальной интерпретации. Главными праздниками в стране постепенно становятся Национальный день и День создания Саудовского государства.

В национальных видениях (долгосрочных программах развития) других стран Персидского залива также подчёркивается в первую очередь национальная идентичность. В **«Видении 2040»** Омана подчёркивается «оманская идентичность» и постоянно используется словосочетание «оманский человек». В катарском **«Видении 2030»** подчёркивается катарская идентичность – в программе говорится о ценностях катарского народа и планах по развитию экономики, которая сделает жизнь катарских граждан лучше.

Политические изменения на Ближнем Востоке полностью не отражают всю сложность идеологической ситуации. Скорее они отражают желаемую ситуацию, к которой стремится ряд политических лидеров – например, ОАЭ, Саудовской Аравии. В арабских странах религиозность продолжает сосуществовать с секуляризмом. Однако при этом продвижение рядом правительств арабских стран национализма как основной идеологии будет способствовать дальнейшему росту секуляризма. Тем не менее каждая из стран Ближнего Востока имеет несколько векторов развития и даже если один из трендов начинает доминировать, другие по-прежнему сохраняют своё присутствие.

ПОБЕДИЛ ЛИ СЕКУЛЯРИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ?

Источник: Победил ли секуляризм на Ближнем Востоке?

ОБ АВТОРЕ

Артем Адрианов

Исследователь ИМИ МГИМО

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Ближний Восток, Северная Африка

Область экспертизы: Специалист по арабским государствам Персидского залива.

Профессиональный опыт: Выпускник МГИМО МИД России (программа «Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов»).

